

Габриэль Гарсиа Маркес:

Я РАД, ЧТО НАРУШИЛ КЛЯТВУ...

годия литература и кино в Латинской Америке?

— Ваш вопрос мог бы послужить поводом для серьезного исследования. Именно теперь наши кинематографисты пытаются сделать все возможное, чтобы латиноамериканская литература стала основой для хорошего кино.

Латиноамериканский роман существует давно. Но лет двадцать назад латиноамериканский читатель практически не знал своей литературы. И вдруг случилось то, чему еще до сих пор толком и не нашли объяснения. Произошел своего рода взрыв, эхо которого прокатилось по планете. Хотя я рискую показаться нескромным, но все началось со «Ста лет одиночества». После выхода в свет этого романа в Латинской Америке стали читать книги, написанные латиноамериканцами. Мы попали в самую точку, завоевав своего собственного читателя. Как говорят издатели, мы завоевали свой собственный книжный рынок. Да, по сути началось все в 60-е годы, а сегодня латиноамериканский роман занимает уже прочное, достойное место в мировой литературе.

То, что происходит в настоящее время в латиноамериканском кино, когда-то наблюдалось и в нашей литературе. Сейчас мы делаем хорошие фильмы, но в очень трудных условиях. Стараемся, чтобы они получали премии на фестивалях. Но, как и прежде, эти ленты на родине не имеют своего зрителя. Кроме того, нам нигде их показывать, так как в целом киноиндустрия региона (в том числе и прокат) находится в руках иностранных монополий.

Именно поэтому несколько лет назад был создан Комитет кинематографистов Латинской Америки, который в прошлом году принял решение об учреждении Фонда нового латиноамериканского кино. Меня попросили стать

его президентом. Единственным препятствием к этому было то, что я поклялся в свое время никогда в жизни не возглавлять никакой организации. Однако, откровенно говоря, кино любил всегда. И занимался им профессионально: в молодости учился на сценарном и режиссерском факультетах Римского экспериментального киноцентра. Я ведь никогда не обучался литературному ремеслу, даже не очень хорошо знаю испанскую грамматику. Пищу, как говорится, со слуха.

В январе прошлого года мы создали Международную школу кино и телевидения, которую возглавил аргентинский режиссер Фернандо Бирри. Школа эта — моя давняя мечта. Признаться, о необходимости создать ее я говорил и раньше. Но в свое время на мои слова не обращали внимания. И тогда мне не оставалось ничего иного, как продолжать писать романы. Да, вначале со школой не получалось. Не получалось до тех пор, пока эту идею мы не высказали на Кубе. Там нам ответили: «Мы дадим вам здание и предоставим необходимое оборудование».

Сегодня школа наша приобрела определенную известность. Она находится недалеко от Гаваны в местечке Сан-Антонио-де-Лос-Баньос.

Второй проект нашего фонда также очень важен для нас, так как речь идет о животрепещущей проблеме латиноамериканского кино. Я имею в виду создание собственного фильмофонда. Вель нет смысла делать фильмы, если через 20—30 лет не сохранится ни одного кадра из снятых нами лент. Это работа во имя забвения. Следовательно, нам нужно срочно приступить к созданию определенной базы для консервации картин. Вопросом этим давно обеспокоена съематка бразильского города Сан-Паулу. Именно ей мы и поручили разработать проект создания фильмофонда. Только по-

купка технического оборудования обойдется нам в двадцать миллионов долларов. Я пока не знаю, где мы достанем такую сумму, но мы должны ее достать.

— Что вы думаете об организации литературных, в частности своих, произведений?

— Этот вопрос подводит нас к вечной проблеме взаимоотношений литературы и кино. Я всегда считал, что режиссеры нуждаются в хороших сценаристах. Правда, кино в таком случае подчинено литературе. По-моему, кино может стать независимым от литературы искусством лишь тогда, когда у режиссера будет своя собственная (а не заимствованная) идея будущего фильма. Кино и литература нередко, увы, напоминают неудавшийся брачный союз: они не могут ни жить вместе, ни существовать раздельно.

Что же касается моих произведений, то я никогда не даю согласия на их экранизацию. Конечно, можно решить эту проблему несколько иначе: самому специально написать что-то для кино. Но я не хочу, чтобы мои романы появлялись на экране. У меня создается впечатление, что роман как таковой оставляет читателю некую возможность для сотворчества. И этот творческий процесс бесконечен, так как читатель должен завершить его самостоятельно. Я не хотел бы отнять у него прекрасную возможность самостоятельного прочтения и осмысления романа. Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, зрительный образ в экранизации — это одно, а художественный образ в романе — совершенно иное.

Обычно зритель, выходя из кинотеатра, говорит: «Мне больше понравился фильм» или «Мне больше понравился роман», «Фильм лучше» или «Фильм хуже романа». Все это не совсем справедливо как по отношению к роману, так и по отношению к филь-

му. Самой удачной экранизацией своего романа я считаю ленту «Хроника одной объявленной смерти» моего большого друга Франческо Розы. Я смотрел эту картину здесь, на Московском кинофестивале, и она мне показалась очень интересной, что, впрочем, и следовало ожидать от художника такого масштаба, как Розы. И снимал он ее совершенно самостоятельно. Я в этом участия не принимал. Розы, правда, пригласил меня написать сценарий, но я сказал ему, что если уж мы начнем спорить по ходу работы, то едва ли когда-либо придем к согласию.

— Закончив роман «Осень патриарха», Гарсиа Маркес дал слово больше ничего не писать, кроме политических репортажей и статей, пока не падет диктатура Пиночета. Правда ли, что вы это говорили, и что произошло потом?

— Да, это правда. Я действительно сказал, что ничего не напишу, пока Пиночет будет у власти. Со временем я понял, что если не буду ничего писать, то просто разучусь это делать. И тогда это будет лишь на руку Пиночету. Жизнь писателя полна поражений. Но для меня важнее выиграть последнее, заключительное сражение, чем некое промежуточное. Я рад, что нарушил свою клятву и смог сделать развернутое интервью с Мигелем Литтином о том, как он снимал подпольно свой фильм в Чили. Гонорар за книгу я перечислил в Фонд латиноамериканского кино. Эта сумма в 350 тысяч долларов — первые деньги, которые мы получили.

— Вы были почетным гостем XV Московского международного кинофестиваля. Ваши впечатления о нем?

— Я его практически не видел, так как все время отвечал на вопросы...

Запись с пресс-конференции сделала
Т. БУРЛАК.

— На днях вы были приняты Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым. Состоялась встреча руководителя великой державы с одним из крупнейших писателей современности. Факт сам по себе примечательный, ибо контакты такого уровня весьма знаменательны и плодотворны. Каковы ваши впечатления от этой встречи?

— То, о чем мы говорили с Генеральным секретарем, уже опубликовано в советских газетах. У меня создается впечатление, что перестройка — это подлинная реальность, и я рад этому. О личности М. С. Горбачева я хотел бы сказать следующее. На мой взгляд, это очень общительный человек, с которым легко вести беседу. У него чрезвычайно развито чувство юмора. Он может свободно говорить на любую тему. И самое главное — он убеждает собеседника в своей доброй воле, в своей решимости довести начатое дело до конца, в своем оптимизме, причем весьма обоснованном. На меня огромное впечатление произвело то, что он искренен и не играет словами. Он такой, какой он есть. Мы говорили с ним более часа.

— Писатель Гарсиа Маркес в последнее время активно занимается кино. Как на ваш взгляд, развиваются се-